

Константин ВАНШЕНКИН

Имя поэта Константина Ваншенкина известно читателям не только по его поэтическим сборникам или песням, сочиненным на его стихи. Уже много лет Константин Яковлевич работает в жанре литературных воспоминаний, ставших книгами «Наброски к роману», «Лица и голоса», «Поиски себя». Эта работа не закончена — страница за страницей ложатся на стол писателя все новые воспоминания о мастерах культуры. Возможно, из них родится новая книга. Сегодня мы хотим познакомить читателей с некоторыми из ее страниц.

Тендряков и Некрасов

Тендряков и Некрасов познакомились у меня дома, в январе 1955 года и сразу же очень расположились друг к другу. Можно подумать, что их сблизила непохожесть, взаимная дополняемость. Ничего подобного. В них как раз было много общего, — не внешне, конечно, — в окующем парне из вологодской деревни и в слегка нарочито, по-южному, тянущему слова до предела демократичном интеллигенте. В них были главные общие черты — смелость, общественность, независимость. И еще они оба были непосредственны, экспансивны. А Володя и нервен, вспыльчив. Я с ним вместе учился. Некрасова же

узнал за восемь месяцев до этого, но казалось, что тоже давно. Они потом, разумеется, многократно встречались и не раз еще, как у нас говорят, совпадали в писательском подмосковном доме, в Малеевке. Иногда бывал вместе с ними и я. Тендряков работал тогда испульпено, писал короткие повести — одна лучше другой. А Некрасов, как он сам утверждал, лентяйничал, предпочитая главным образом эпистолярный жанр. Но ведь мало ли что говорит о себе писатель! Судят о нем по другим признакам. Вика был там с матерью, Зи-

наидой Николаевной. Очень увлекся лыжами и немало в том преуспел. Люди, бывавшие с ним на юге, говорят, что он прекрасно плавал, заплывал страшно далеко. А Володя писал дни напролет, только брызги летели. Вика напоминал ему каждый день — Володя, ну когда мы себе что-нибудь позволим?

Тот отвечал: — Погоди, погоди, вот закончу вещь... Наконец сказал как-то: «Приходи завтра за час до обеда». Некрасов постучался, вошел. Тендряков продолжал писать. — Володя, — начал Вика неуверенно. — Погоди, погоди, сейчас.. Некрасов деликатно подошел к окну, посмотрел на сверкающий под солнцем зимний двор, дорожку, где прогуливалась с кем-то об руку его мама, глянул на часы, хмыкнул и в нетерпении вернулся к Тендрякову. Тот не обращал на него внимания. Некрасов читал горячие, прямо из-под пера, слова:

Перед войной появился новый киноартист — Михаил Кузнецов, в фильме «Машенька». Эта картина всех тогда задела, а иных потрясла взмещающей правдой нашей близкой судьбы, пронзительностью и нежностью. И этот неведомый прежде трогательный актер оказался вдруг всеобщим любимцем, стал почти в один ряд с тогдашними кумирами: Алейниковым, Андреевым, Бернесом, Крючковым. Впоследствии, после войны, когда он начал сниматься и в цветных фильмах, выяснилось еще, что у него редкостной синевы глаза. Но вот ведь как случается в искусстве — такой удаче больше уже не было. Не везло — роли хорошей не выпадало, режиссера. Снял его в нескольких средних лентах, а то и в посредственных. Он немало выступал на эстраде, был по-прежнему популярен, вездесущ по стране. Я познакомился с ним в связи с тем, что он читал мои стихи, и, чтобы сказать, хорошо читал. У него была целая программа. Вид он имел уже не такой, как когда-то, василько-

Эйзенштейн и Крючков

вые глаза его слегка выцвели. Мы радостно встретились снова лишь через много лет, наверное, за год или полтора до его смерти. Накануне Дня Победы нас пригласили выступить в Министерстве гражданской авиации. Был там еще, помню, космонавт Береговой. Кузнецов оказался превосходным рассказчиком. Однако по порядку. Когда началась война, он собрался идти в армию, но его вызвали на студию и сказали, что на него есть бронь, и требуется ехать в Казахстан, выпускать нужные фронту и тылу фильмы. Он поехал. Во главе отправляющихся стоял Эйзенштейн, тогда уже классик с мировым именем и непрерываемым авторитетом, автор «Броненосца «Потемкина». Потом, как известно, он сделал фильм «Иван Грозный», не понравившийся Сталину. Эйзенштейн картину переделал, — и вождь, кривясь, принял ее. Тогда многие по-

правляли свои кровные вещи по державному указанию. Большинство полагало или делало вид, что так и следует. Но не все! В «Одном дне Ивана Денисовича» описывается, как герой приносит в контору, своему соседу по нарам, кашу: «Цезарь трубку курит, у стола своего развалился. К Шухову он спиной, не видит. А против него сидит X-123, двадцатилетний, каторжанин по приговору, жилистый старик. Кашу ест. — Нет, батенька, — мягко этак, попуская, говорит Цезарь, — объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален. «Иоани Грозный» — разве это не гениально? Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе! — Кривлянье! — ложку перед ротом задержал, сердится X-123. — Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного! И потом же гнуснейшая поли-

«Семен сжимал голову, готов был выть в один голос с Калининкой. Нет более тяжкого суда, чем суд своей совестью». Тут Тендряков откинулся на спинку стула и сказал: — Все!.. Некрасов с облегчением поздравил его. Тендряков сложил рукопись, постучал ее ребром о стол, выравнивая страницы, отложил в сторону и дождался минуту. Затем Некрасов с ужасом увидел, как он взял чистый лист и вывел заглавие: «Тройка, семерка, туз». И пошел: «Сотни, а может, тысячи (кто считал!) речек, реченок и упрямых ручейков, протачиваясь сквозь прель опавшей листвы и хвои, прорывая путь в корневищах деревьев, несут из оживых болот воду в эту большую реку. Потому-то вода в ней темна, отливает рыжей накипью». — Володя! — закричал Вика в отчаянии. — Пошли, пошли, — успокоил Володя, закрывая папку. Эту историю я слышал от Некрасова несколько раз. Конечно, здесь и нежность, и шутка, и преувеличение, но все в границах образа.

ДРУЗЬЯ И ЗНАКОМЫЕ

няли их там отлично, несмотря на тьму эвакуированных. Для наиболее выдающихся выделили целый дом. Эйзенштейн назвал его — лауреатник. Сразу начали работать —

для фронта ведь. С временем, естественно, не считались. Нужно — так сутками на съемочной площадке. Эйзенштейн всегда подтянутый, корректный. Руководитель художественный — и вообще.

И вдруг кто-то говорит ему: — Сергей Михайлович, вот объясните, пожалуйста, — все к вам на вы, и вы в ответ так же, в вот Крючков с вами на ты. Чем объяснить?.. Эйзенштейн без улыбки от-

ветил: — Нужно знать Колю. Для него «вы», — это когда много... Так рассказывал внимающему залу синеглазый когда-то Михаил Кузнецов.

Высоцкий и Кайсын

Слышал по телевидению рассказ Валерия Золотухина о том, как у них в театре встала когда-то на собрании молодая актриса и заявила, что Владимир Высоцкий невежлив, заносчив, не здоровается. Ее не опровергали. Чувствовалось, что такую точку зрения разделяет и кое-кто еще. Высоцкий был растерян, обескуражен, смущен. Через несколько дней Золотухин столкнулся с ним в тесном служебном переходе, где тянулась по стенам кабельная проводка, и было непросто

разминуться. И Высоцкий прошел, коснувшись его плечом и вроде не замечая. Конечно, Золотухин, сам человек пишущий, понимал, что тот углубился в себя, отключен, вероятно, что-то сочиняет, но все-таки это оставило осадок. Однажды на Рижском взорье около нашего писательского дома я встретил Высоцкого. Я был с ним знаком и уже видел несколько дней назад — он там поблизости снимался. Вид у него был крайне расстроенный. Он тут же объяснил мне, что

повстречался только что с Кайсыном Кулиевым, поздоровался с ним, но тот не ответил. — Да он не узнал вас, — успокоил я его решительно. — Как он мог меня не узнать! — и Высоцкий пошел по диагональной дорожке, мимо цветника под окнами библиотеки. Говорю это для тех, кто там бывал. На нем был потертый джинсовый костюм. И тут из-за другого угла, со стороны моря появился Кайсын окруженный слушателя-

ми, благодушно витийствующий. — Кайсын, — сказал я, — что же ты с Высоцким не здоровался? Он на тебя обиделся. — Володя? — изумился тот. — Где он?.. Высоцкий уже скрывался за углом. — Володя! — закричал Кайсын. — Володя, я не узнал тебя! — и пошел к нему, вздевая и распахивая руки. Тот обернулся, постоял миг и двинулся навстречу. — Володя! — восклицал Кайсын с характерным своим придыханием, — здравствуй!.. Они обнялись, и я увидел, что Высоцкий, попросту говоря, счастлив.

Мы близко дружили с Марком Бернесом, что называется, домами, и, как бывает в таких случаях, постепенно узнавали дружок и приятелей друг друга. В середине пятидесятых мы были в гостях у него на Октябрьские праздники, именно седьмого. Мы — это я, Е. Винокуров, Б. Андреев — все с женами и еще одна пара — старинные друзья Марка, не имеющие отношения к искусству. Или, как замечательно горько в таких случаях актеры: из публики. Марк тогда вдовел. Натаске было года четыре. Она очень долго, трогательно-серьезно сидела со взрослыми. Бернес в ней души не чаял.

Бернес и Андреев

вы прониклись его порывом, верили в подлинность чувств. Другие тоже успевали перекинуться словом, но больше слушали его. Позвонили в дверь. Появился Алла Ларионова и Николай Рыбников с грудным младенцем на руках, а с ними еще молодая пара, их родственники. Объяснили, что шли мимо и решили поздравить, развлечь Бернеса. Теперь они были чуть-чуть смущены. Марк растерялся, не понимая, куда их сажать. Наконец кое-как устроились, и тут выяснилось, что не хватает водки. Андреев поднялся: — Я схожу. — И обратился к Винокурову: — Женя, пойдешь?.. Тот с готовностью согласился. Винокуров потом рассказал: магазин был через дорогу. Тогда магазины работали допоздна даже в праздники. У входа стояла толпа. Андреев стал протискиваться и крикнул: — Здорово, ребята! — люди с неудовольствием оборачивались и вдруг все узнали его и наперебой

зашумели: — Здравствуй! С праздничком!.. — Без очереди пустите меня? — спросил Андреев. — Ура! — закричала очередь. Он через головы протянул деньги сияющей продавщице и таким же способом брал и передавал Винокурову бутылки. Многие из с Марком связывало: их дуэты в «Истребителях», в «Двух бойцах». Мое поколение их не забудет. И «Большая жизнь» связала, особенно вторая серия. Стало известно, что картина не понравилась, и съемочная группа, замерев, ждала меры наказания. Последствия вскоре стали известны — постановление ЦК. А перед этим вызвали. не всех, всего несколько человек во главе с режиссером Луковым. Андреев был в их числе. Бернеса не позвали. Они условились, что Борис позвонит и расскажет обо всем. Марк ждал в нетерпении. Но раздался дверной звонок Андреев вошел мрачнее тучи. Наметанный бернесов-

ский глаз определил, что Боря по дороге где-то слегка притормаживал, чтобы снять напряжение. Он рассказал о том, как хмуро их встретили, как они стоя ждали в небольшом зале или в приемной, и тут из колонны вышел Сталин. Бернес не поверил: — Как из колонны? — Из колонны! Впоследствии передавая мне их разговор, Марк объяснил: Борис хотел этим сказать, что Сталин появился неожиданно, и они испугались. — И что же было? — спросил Бернес. Андреев долго смотрел на него и наконец произнес весело и убежденно: — Марик, он плохой человек! — Боря, перестань! — в ужасе вскричал Бернес. Но тот медленно повторил: — Марик, он очень плохой человек!.. На дворе был сорок восьмой год. Историю эту я услышал значительно позднее и с тех пор по-особому стал смотреть на Андреева.